

Состязаться с треантами в выносливости — чистое безумие.

Юнь Фэй вольготно устроился на толстой ветке, руководя облавой на ледяного демона. Стоило твари замереть, как исполины преграждали ей путь, вынуждая бежать дальше — круг за кругом, пока силы полностью не иссякли.

Изнуренный погоней демон тяжело, хрипло дышал. Окутывавший его морозный туман рассеялся, обнажив ледяно-синюю шкуру. Рана на загривке все еще сочилась кровью, а некогда грозные костяные шипы на спине поблекли и утратили былой блеск.

К рассвету эта изматывающая игра в кошки-мышки подошла к концу. Поняв, что Юнь Фэй не собирается его убивать, демон прекратил бесполезные попытки вырваться. Он просто повалился на спину, раскинув лапы. Вокруг плотным кольцом высились несокрушимые треанты — убежать от них обессиленной твари все равно бы не удалось, так зачем зря мучиться?

— Что, набегался?

Юнь Фэй соскользнул по древесному стволу на землю. Клинок его эльфийского кинжала слабо мерцал чистым белым светом. Юнь Фэй слегка ткнул острием в бок поверженного противника, но тот даже не шелохнулся, всем своим видом демонстрируя полное безразличие к дальнейшей судьбе.

— Раз не бежишь, значит, сдаешься, — Юнь Фэй повелительно взмахнул рукой.

Сопутствующие лозы тут же рванулись вперед, намертво спеленав демона, и поволокли безвольную тушу в глубокие подвалы древнего замка.

С пленением чудовища ночное нападение бесславно провалилось. Скреплявший призыв контракт утратил силу: позади демона соткался блеклый демонический узор, который тут же раскололся на сотни осколков и растаял в первых лучах восходящего солнца.

Юнь Фэй перестал направлять магическую силу, и зависшие в вышине демонические узоры окончательно растворились в небе.

Солнце поднялось выше, озарив выросшие на землях владения горы чистейшего леденцового сахара, переливающегося и сверкающего в утреннем свете.

Треанты и лозы принялись споро собирать леденцовые глыбы, нагружая тяжелые телеги, которые одна за другой потянулись к усадьбе лорда. Жители Города Сосновой Хвои, выбравшись из своих домов и разузнав у гигантов подробности ночного сражения, похватили корзины и мешки и дружно принялись помогать с уборкой.

Добытый сахар заполнил три просторных склада в господской резиденции. Мелкие осколки, оставшиеся на земле, привлекли табун диких лошадей, которые мигом и без остатка слизали все лакомство.

Когда к замку подъехали последние две телеги, на одной из них обнаружился старик Джеффри. К нему тут же подошел Бру. В награду за помощь в сборе и перевозке треант вручил старосте мешки с отборным зерном и две коробки леденцового сахара.

— Это зерно из самого Эльфийского королевства, — гулким басом проговорил Бру. — Его можно пустить в муку или оставить на семена. А сладости раздай ребятишкам.

Для простых тружеников сахар, конечно, был роскошью, но мешки с сытным зерном ценились во сто крат больше.

Джеффри еще по дороге строго-настрого наказал людям: не вмешайся вчера молодой лорд, ледяной демон стер бы их дома с лица земли, и едва ли кто-то остался бы в живых. К тому же сахар стоил баснословных денег. Взять по паре крупинок для себя — ладно, но забирать целые возы — лишь навлекать беду на свои головы.

— Хвала нашему лорду! — кланялись крестьяне.

Перегрузив зерно на повозки, довольные жители двинулись в обратный путь, от всего сердца благословляя щедрость и доброту своего господина.

Едва стук колес затих вдаль, треанты потянулись обратно под сень родной чащи, и в поместье воцарился привычный покой. С тяжелым, протяжным скрипом сомкнулись кованые ворота замка, вновь отделив замок от внешнего бурного мира.

Пока во владении Снежной Сосны праздновали победу над чужим коварством и радовались чистому небу, земли Акации внезапно накрыл жестокий буран. Небо затянуло свинцовыми тучами, погрузив главный город во владениях Лорда Акации в глубокий, зловещий полумрак.

Завывал яростный ветер, швыряя в лицо пригоршни колючего снега. Дома, мосты и мостовые в мгновение ока облачились в саван. Некогда бурная река, рассекавшая столицу пополам, замерзла всего за одну ночь. Потоки воды застыли, а на поверхности льда выросли причудливые, острые, как бритвы, ледяные наросты, напоминавшие распустившиеся хрустальные бутоны.

Вместе со снегом с небес посыпался крупный град. Ледяные шары величиной с плоды унаби, а порой и с гусиное яйцо, с грохотом бомбардировали крыши. Ветхие лачуги не выдерживали ударов — кровли рушились, зияя проломами. Дробный стук падающих льдин не затихал ни на

минуту. Не прошло и полдня, как городские улицы завалило ледяным крошевом, над которым пополз густой морозный туман.

В западных кварталах перепуганные горожане наглухо заперли двери и окна. Вслушиваясь в канонаду, сотрясавшую крыши, они яростно проклинали разбушевавшуюся стихию. Но если западу досталось сильно, то восточную часть города шторм буквально сравнил с землей.

Дворфы исстари строили каменные дома, под которыми рыли разветвленные подземные ходы. Со временем эти тоннели соединились в огромную сеть с жилыми нишами, образовав подземный городок. Когда град принялся крушить наземные постройки, угрожая обрушить перекрытия, мастера-коротышки без лишних споров пооткрывали люки и спустились под землю. Затеpliant настенные масляные лампы, они сгрудились у очагов, глуша крепкую сивуху и посмеиваясь над беснующейся наверху бурей.

Но изнеженным аристократам повезло куда меньше. Непогода застала их врасплох. Ледяной сквозняк распахивал тяжелые рамы, врываясь в покои и мгновенно гася пламя в каминах, которое теперь никак не удавалось разжечь вновь. Охваченным паникой господам пришлось перебираться в глухие чуланы без окон и дымоходов. Закутавшись в ворох шерстяных одеял, они стучали зубами от холода, молясь о скорейшем окончании этого кошмара.

Но хуже всего дела обстояли в воинских казармах. Начало зимы выдалось бесснежным, и заготовить дрова впрок никто не удосужился. Если благородным рыцарям еще выделили остатки поленьев для растопки, то конюхам и челяди пришлось туго. Кутаясь в дырявые куртки, несчастные без устали прыгали и топали в конюшнях, пытаясь согреть коченеющие пальцы. Спасало это слабо.

Градобой не утихал. Слуги бледнели на глазах, их ресницы и волосы покрылись колючим инеем. Даже караульные у парадных врат резиденции лорда, наплевав на воинский устав и неминуемую порку, укрылись в сенях. Жизнь была дороже, а перспектива получить булыжником по макушке и истечь кровью никого не прельщала.

В самом замке Лорда Акации царил унылый сумрак. Навесные галереи и переходы, соединявшие бесчисленные залы, тонули во тьме. Сколько слуги ни зажигали факелы на стенах, их робкое пламя не могло разогнать тяжелые, давящие тени.

Несколько служанок торопливо семенили по переходам второго этажа, направляясь к покоям госпожи. Лица их искажала тревога. Девушки повыше приподнимали подола длинных юбок, из-под которых мелькали расшитые туфельки. Узор на ткани — тонкая вязь черных ветвей — выдавал их чужеземное происхождение. То была работа искусных мастериц с Тернового хребта.

— Живее, шевелитесь! — негромко, но властно понукала бежавших старшая горничная Сандра, высоко держа над головой масляный фонарь.

Стеклянный плафон раскачивался из стороны в сторону, звенья цепочки натужно звенели, а

фитилек испуганно трепетал, грозя вот-вот потухнуть.

Из темноты им навстречу выбрел молодой лакей. Лицо его представляло собой сплошное месиво из багровых кровоподтеков, со лба сочилась свежая кровь, а сам он шел согнувшись, едва волооча ноги. Завидев вереницу горничных, парень испуганно вжался в нишу стены и прижал ладонь к ране, стараясь, чтобы ни одна капля крови не осквернила их чистые платья.

Девушки пронеслись мимо, даже не взглянув на несчастного. Во владении Акации жалость была непозволительной роскошью. Лорд Акации с каждым днем становился все более свирепым и скорым на расправу — редкий слуга в замке обходился без увечий. Этому малому еще повезло отделаться разбитой головой. Буквально вчера из покоев хозяина вынесли другого лакея — забитого до полусмерти. Бедняга не протянул и нескольких часов, захлебнувшись собственной кровью.

Служанки привыкли к подобным сценам. В глубине души они сочувствовали забитой челяди, но ничем помочь не могли — над их собственными головами сгущались куда более зловещие тучи. Сейчас их заботило лишь одно: как можно скорее добраться до госпожи.

Вдруг из конца коридора донесся пронзительный, полный нечеловеческого страдания крик. Он сорвался на безумный, захлебывающийся хрип. Служанки в ужасе переглянулись и, позабыв о всякой осторожности, сломя голову бросились к дверям спальни госпожи Лусии.

Сквозь дубовые панели пробивались новые, еще более жуткие вопли. Позабыв о дворцовом этикете, Сандра рванула на себя тяжелую медную ручку и первой влетела в комнату.

В спальне царил холодный мрак. Огонь в камине давно превратился в серую золу. Огромное ростовое трюмо лежало на полу, разлетевшись на сотни сверкающих осколков. Девушкам пришлось на цыпочках лавировать среди серебряного крошева, чтобы не изрезать обувь и ноги.

Посреди царившего разгрома ничком лежала женщина в дорогом бархатном платье. Пышные темные кудри разметались по ковру. Ее запястья и лодыжки были глубоко рассечены, и из ран безостановочно струилась густая алая кровь. В судорожно сжатом кулаке она сжимала свиток плотного пергамента с начертанным на нем демоническим узором. Часть знаков была залита кровью, превратив сложную вязь в нечитаемое месиво.

— Госпожа Лусия! — вскричала Сандра, бросаясь к ней и бережно переворачивая на спину.

Тело женщины было холодным, как лед. Старшая горничная с замиранием сердца прижала дрожащие пальцы к ее шее — пульс едва прощупывался, а дыхание было столь слабым, словно жизнь покидала израненное тело с каждым уходящим мгновением.

— Быстро несите одеяла, горячую воду и мазь для ран! — скомандовала Сандра.

Пострадавшую осторожно перенесли на кровать. Одна из служанок принялась торопливо распускать тугую шнуровку платья на ее груди, пока остальные стирали кровь с бледной кожи госпожи.

Но когда влажная ткань скользнула по шее и щекам Лусии, горничная внезапно замерла. Она потеряла кожу сильнее, но странные темные разводы не исчезали. Девушка не сдержала испуганного вскрика, тут же в ужасе зажала рот ладонью и уставилась на Сандру расширившимися глазами:

— Сандра... у госпожи Лусии проступают терновые узоры!

Заперев дверь изнутри, старшая горничная резко обернулась на крик. Нахмурившись, она осадила паникершу ледяным тоном:

— Замолчи. Прекрати эту истерику.

Дрожащую девушку грубо отодвинули в сторону. Сандра подошла к постели и сама взяла влажный холст. Она стирала грязь и пот с лица Лусии бережно, почти невесомо, но с каждым движением ее лицо становилось все мрачнее.

Несчастливая металась в бреду. По ее мертвенно-бледной коже, извиваясь, расползались уродливые черные ветви терновника с острыми шипами. Некогда утонченные, благородные черты лица исказились до неузнаваемости. Неудивительно, что молодая служанка так испугалась.

— Госпожа, вы слышите меня? Очнитесь, умоляю, — Сандра склонилась над самым ухом Лусии, пытаясь достучаться до ее угасающего разума.

Лишь после нескольких попыток веки раненой вздрогнули. Под тонкой кожей медленно шевельнулись глазные яблоки. Сухие, потрескавшиеся губы зашевелились, и из горла вырвался едва различимый шепот:

— О-обратный удар... Провал...

— Госпожа! Госпожа Лусия! — отчаянно звала Сандра, но ответа не последовало. Женщина вновь обмякла, провалившись в глубокое беспамятство.

Тяжелые, уверенные шаги заставили служанок вздрогнуть. Стук засова — и в комнату бесцеремонно вошел Лорд Акации. Смерив брезгливым взглядом разгром в спальне и угасающую супругу, он лишь скривил губы в презрительной усмешке.

— Бестолковая девка! — выплюнул он.

Даже не поинтересовавшись, выживет ли мать его детей, он круто развернулся и зашагал прочь, шурша полами шелкового халата.

Как только расшитый подол его одеяний скрылся за порогом, служанки разжали кулаки. Их ногти до крови впились в ладони, а в глазах полыхала глухая, яростная ненависть.

— Как он смеет?! Она рисковала жизнью ради его амбиций, а он обращается с ней как с дворовой собакой!

— Тихо! — оборвала их Сандра, властно подняв руку. — С лордом Акации нам не совладать в одиночку. Я немедленно отправлю весть на Терновый хребет, братьям госпожи. Лорд Акации дорого заплатит за то, что довел нашу госпожу до такого состояния. Этого мы так не оставим!

Всем было известно: не насядь на нее супруг с угрозами, Лусия ни за что не решилась бы на опасный ритуал призыва ледяного демона. Теперь, когда демонический узор выпил ее жизненные силы, Лорд Акации расхаживает по замку целехонек. Какими бы государственными нуждами он ни прикрывался, подобное отношение к законной жене переходило все границы дозволенного.

— К тому же, из Снежной Сосны доносят странное, — негромко заговорила одна из служанок, ведавшая слухами. — Молодой Юнь Фэй пробудил древнюю кровь. Он взял в плен гражданского правителя Надро и прислал нашему господину требование вернуть все захваченные земли и рудники. Лорд Акации отправил туда карательный отряд, но никто не вернулся. Среди сгинувших были тридцать рыцарей Гигантского Медведя — лучшие его бойцы.

— Свора безмозглых и трусливых псов! Но слабость его солдат — не оправдание для того, чтобы губить госпожу!

— Никчемный правитель, никчемное войско. Клянусь своей кровью: если госпожа Лусия не оправится, и этот ублюдок, и его смазливая потаскуха заплатят сполна!

Стоявшие у постели служанки согласно склонили головы. В их глазах на мгновение вспыхнуло потустороннее синее пламя. Сказанные слова обратились нерушимым обетом — на их запястьях проступили призрачные черные плети колючего терновника. Это клеймо не исчезнет, пока клятва мести не будет исполнена.

Но ослепленный гордыней Лорд Акации даже не догадывался, что его собственная челядь уже вынесла ему смертный приговор. Безуспешность последних военных кампаний приводила его в бешенство. Из дверей его кабинета то и дело доносился грохот крушимой мебели. Слуги у дверей замерли, боясь дышать; даже когда из города прибежали гонцы с известием о разрушениях от града, никто не посмел доложить об этом разгневанному хозяину.

— Господин сейчас не в духе, лучше придите позже, — шептали стражники бледным вестникам.

А буря тем временем лишь набирала силу. Из-за провалившегося ритуала и отдачи магического плетения на земли Акации обрушилось небывалое стихийное бедствие.

Терпящие огромные убытки дворяне, не выдержав, лично явились во дворец и потребовали отчета от своего сюзерена.

— Владение Снежной Сосны никуда не сбежит, и этот сопляк Юнь Фэй — тоже! Но если мы прямо сейчас не спасем урожай и склады от бурана, вы растеряете остатки своего авторитета!

Угроза потерять доверие вассалов заставила Лорда Акации умерить спесь. Тщательно взвесив их доводы, он решил сменить тактику. Как только утихнет шторм, он объявит всеобщую мобилизацию и пойдет на соседа открытой войной. Предлог был идеален: защита чести семьи и месть за коварное пленение его людей Юнь Фэем.

— Ну и что, что в нем проснулась древняя кровь? Без обученной армии он останется лишь беззащитной дичью!

Сандрис намеревался отправить гонцов к владыкам Тсуги и Тернового хребта, чтобы ударить союзом трех армий. После такого разгрома род Снежной Сосны, даже если не прервется физически, будет навсегда стерт с политической карты континента.

Лорд Акации уже упивался будущим триумфом, не подозревая, сколь изменчива фортуна. Не успел он составить первые черновики писем к союзникам, как Юнь Фэй нанес упреждающий удар.

Шахта Фабра, расположенная на севере владений Снежной Сосны, издревле славилась богатейшими залежами железной руды. Когда род Юнь Фэя пришел в упадок, всадники Акации совершили вероломный набег на рудник. Они разогнали местных рабочих, заковали в цепи защищавших шахту подземных жителей и объявили рудники своей собственностью.

То был самый настоящий разбой — гнусный и незаконный. Однако королевский двор в столице предпочел закрыть на это глаза. Безнаказанность развязала руки остальным крупным феодалам: видя бездействие короны, они принялись рвать владение Снежной Сосны на части, отнимая кусок за куском и загоняя древний род в глухой угол.

Но сегодня на рудники Фабра обрушился сильный снегопад. Надзиратели расщедрились и разрешили рабам прервать работу на полдня. Расквартированные в лагере рыцари тут же принялись глушить хмельной эль. Захмелев, они лениво несли караул, не подозревая, что смерть уже дышит им в затылок.

С южной стороны к заснеженным скалам бесшумно приближалась вереница исполинских

темных силуэтов. Шагавшие сквозь буран великаны были треантами. Юнь Фэй сидел на широком плече ведущего гиганта, с ног до головы закутавшись в плотный теплый плащ. Глубокий капюшон скрывал лицо, а шею и подбородок надежно защищал пушистый шарф. В ладони он грел небольшой упругий шар из переплетенных лоз, задумчиво перебирая его пальцами.

Завывание ветра надежно заглушало грохот колоссальных шагов, а густая пелена снегопада скрывала могучие очертания лесных стражей. До лагеря захватчиков оставалось не больше пятисот шагов. Юнь Фэй слегка приподнял край капюшона. При виде темных очертаний некогда родных гор в его груди закипела ярость, мгновенно сменившаяся предвкушением скорой расплаты.

— Начнем, — негромко скомандовал юноша, похлопав по шершавой коре Люка.

Оглушительный, утробный рев треанта взрезал завывание метели, раскатившись эхом по ущельям.

Хмель мгновенно выветрился из голов гарнизона. Наспех похватав мечи и копья, рыцари посыпались из теплых палаток наружу, прямо под ледяные порывы ветра. Земля под их ногами ощутимо подрагивала от приближения чего-то невообразимо огромного.

— Треанты! Это лесные чудища! — раздались панические крики караульных.

Из снежной пелены одна за другой начали выступать исполинские фигуры. Тридцатиметровые колоссы раскинули свои вековые кроны. Их острые, жесткие, как стальные иглы, листья грозно топорщились, поблескивая в тусклом зимнем свете.

Раздался оглушительный треск. Огромный черный сосновый треант тяжело опустил ногу, в щепки раздавив командирский шатер. Стоявших рядом воинов воздушной волной отбросило в сугробы; они барахтались в рыхлом снегу, тщетно пытаясь подняться.

Древесные великаны один за другим врывались на территорию лагеря, круша хлипкие бараки, заграждения и склады с инвентарем. Офицеры пытались выстроить оборону, но боевые кони, обезумев от первобытного страха перед древесными хозяевами, наотрез отказались подчиняться командам.

С истошным ржанием кони вздымались на дыбы, сбросав седоков на камни, после чего слепо уносились прочь, растворяясь в белой круговерти бурана.

— К бою! Пешим строем, вперед! — отчаянно затрубил в рог Балун.

Протяжный, унылый вой боевого рожка на миг вернул солдатам остатки мужества. Прикрывшись круглыми щитами и крепче перехватив копья с мечами, они разделились на

небольшие группы и бросились под ноги наступающим титанам, надеясь перерубить могучие корни-опоры.

— Люк, свяжи их, — небрежно бросил Юнь Фэй.

— Слушаюсь, повелитель.

Люк одним взмахом тяжелой ветви разметал наседавших воинов, словно назойливых мух, а затем издал громоподобный клич.

Земля под ногами рыцарей вспучилась. Сквозь толщу снега наружу вырвались сотни толстых извивающихся лоз. Подобно проворным змеям, они скользили по сугробам, мертвой хваткой оплетали конечности врагов и взмывали ввысь, оставляя несчастных беспомощно болтаться в воздухе.

— А ну спусти меня, паршивая тварь! — извивался в путах Балун. Заметив фигуру юноши на вершине кроны, он разразился площадной бранью: — Трусливая крыса! Подлый воришка, только и умеешь нападать со спины! Если у тебя есть хоть капля чести, выходи один на... Кх-мф-ф!

Договорить ему не дали. Запущенный Юнь Фэем травяной снаряд снайперски угодил Балуну прямо в переносицу. Из глаз несчастного брызнули слезы. Следом за шаром тонкая упругая веточка ловко протиснулась между его зубами, силой заставив открыть рот, и протолкнула глубоко в глотку плотный комок грязного льда.

Поперхнувшись, Балун замолчал, его глаза налились кровью от ярости. Подвешенные к ветвям солдаты могли лишь бессильно наблюдать за тем, как лесные гиганты ровняют лагерь с землей. Освобожденные рабы-рудокопы с криками разбежались в разные стороны, быстро исчезая в метели.

Когда на месте стоянки не осталось камня на камне, Люк подошел к главному зеву шахты и щедрым жестом рассыпал у входа горсть диковинных семян. Юнь Фэй достал из-за пазухи древний пергамент и провел по нему пальцем. Из его ногтей заструилось зловещее багровое сияние. Сложный демонический узор поднялся в воздух, медленно расширяясь, пока его полупрозрачный купол не накрыл всю территорию рудника.

Брошенные в снег зерна мгновенно проросли. Из мерзлой земли вытянулись двухметровые стебли с жесткими листьями, напоминавшими изогнутые серпы. Юнь Фэй спрыгнул на землю. Зачерпнув пригоршню мокрого снега, он слепил плотный снежок, закатав внутрь булыжник, и швырнул его в заросли. Трава среагировала мгновенно: стебли стремительно удлинились и, подобно щупальцам хищного спрута, сжались вокруг цели. Раздался сухой хруст — камень вместе со снегом превратился в мелкую пыль.

Зависший в небесах магический знак вспыхнул ярче. Мутировавшие сорняки принялись

разрастаться с удвоенной силой, переплетаясь с усаженными острыми шипами сопутствующими лозами. В считанные минуты рудник Фабра превратился в смертоносный зеленый лабиринт, где каждый шаг грозил неминуемой гибелью.

Наблюдавшие за этим зрелищем пленники похолодели от ужаса. Представив, что стало бы с любым, кто попытался бы пробиться сквозь эти хищные заросли, они задрожали, растеряв последние крупинцы спеси.

— Да кто ты... такой?! — разжевав ледяной ком, с трудом выдавил Балун.

Юнь Фэй неторопливо скинул капюшон и размотал шарф. Его глубокие, темные глаза равнодушно скользнули по бледным лицам захватчиков.

— Будем знакомы, — спокойно произнес он. — Я — Лорд Снежной Сосны. Истинный хозяин этих земель и этой шахты.

<http://bllate.org/book/18992/1950547>